
Научная статья / Research Article

УДК 94(571.51)

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-4-130-139

Елена Васильевна Самрина, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Республика Хакасия, Россия
esamrina@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РОЛЬ ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ В ИНОРОДЧЕСКИХ ВЕДОМСТВАХ ЮГА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ 1823–1893 гг.

В статье рассматривается деятельность одной из ключевых фигур инородческого самоуправления – письмоводителя, который неформально обладал широкими полномочиями в различных областях жизнедеятельности общества. Должность письмоводителя в инородческих ведомствах была введена в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1823 г. В связи с необходимостью письменного делопроизводства был создан канцелярский штат, состоявший из письмоводителя, нескольких помощников и улусных писарей. Формально должностные обязанности письмоводителя заключались в ведении письменного делопроизводства: оформлении приговоров и постановлений инородческого суда, написании ответов на циркуляры окружного начальства, составлении различных ведомостей учета населения, благосостояния; отчетов о взыскании податей, платежей. На практике на письмоводителей была возложена вся канцелярская работа с документами, которые касались деятельности ведомств. Они входили в управленческий состав инородческих органов самоуправления, имели влияние как на выборы должностных лиц, так и на процедуру их увольнения. Из-за неграмотности родоначальника и башильков именно письмоводитель распоряжался думской казной и часто использовал свою должность в качестве источника обогащения. Письмоводитель, злоупотребляя своим положением, устанавливал и собирал с общества ясак, писал фиктивные приговоры. Нередко, являясь единственным грамотным членом инородческого ведомства, он составлял деловые бумаги: жалобы, прошения, что еще более усиливало его вес и влияние в глазах окружающего населения. На содержание письмоводителя направлялась значительная часть думского бюджета из-за необходимости и значимости этой должности как в системе государственной власти, так и в жизнедеятельности инородческого общества.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Степные думы, инородческие ведомства, письмоводитель, делопроизводство, полномочия, противоправные действия, ротация, иерархия

Для цитирования: Самрина Е.В. Деятельность и роль письмоводителя в инородческих ведомствах юга Енисейской губернии 1823–1893 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 4. С. 130–139. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-4-130-139.

Elena Vasilyevna Samrina, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Republic of Khakassia, Russia
esamrina@mail.ru

ACTIVITIES AND ROLE OF THE CLERK IN THE NON-RUSSIAN DEPARTMENTS OF THE YENISEI PROVINCE SOUTH 1823-1893

The paper examines the activities of one of the key figures in the self-government of non-Russians – the clerk, who informally had broad powers in various areas of public life. The position of clerk in non-Russian departments was introduced in accordance with the "Charter on the Management of Non-Russians" of 1823. Due to the need for written office work, an office staff was created, consisting of a clerk, several assistants and ulus clerks. Formally, the job responsibilities of the clerk included maintaining written office work: drawing up sentences and decisions of the non-Russian court, writing responses to circulars from the district authorities, compiling various population and welfare records; reports on the collection of taxes and payments. In practice, clerks were assigned all office work with documents related to the activities of the departments. They were part of the management of the non-Russian self-government bodies, had influence both on the election of officials and on the procedure for their dismissal. Due to the illiteracy of the founder and the bashlyks, it was the clerk who managed the Duma treasury and often used his position as a source of enrichment. The clerk, abusing his position, established and collected yasak from society, wrote fictitious sentences. Often, being the only literate member of the alien department, he drew up business papers: complaints, petitions, which further increased his weight and influence in the eyes of the surrounding population. A significant part of the Duma budget was directed to the maintenance of the clerk due to the necessity and importance of this position both in the system of state power and in the life of the foreign society.

Keywords: Yenisei province, Steppe Dumas, non-Russian departments, clerk, office work, powers, illegal actions, rotation, hierarchy

For citation: Samrina E.V. Activities and role of the clerk in the non-Russian departments of the Yenisei province south 1823–1893 // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 4. S. 130–139. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-4-130-139.

Введение. Иностранческие органы самоуправления (Степные думы, ино-родные управы) были созданы в результате реформирования системы Сибирского управления 1822 г. На юге Енисейской губернии в 1823 г. были созданы Степные думы: Качинская, Койбальская, Кызыльская, Соединенных и разнородных племен. Письменное делопроизводство в иностранческих ведомствах было установлено «Уставом об управлении иностранцев» 1822 г., устные нефиксированные приговоры остались только на низовом уровне управления. На должность письмоводителя в основном привлекались русские люди. Особых требований (уровень образования, происхождение и пр.) к ним не предъявляли, кроме главного, – знания грамоты, способ-

ности «к письмоводству». Поэтому письмоводителем и писарем мог стать любой грамотный человек из мещан, крестьян и даже ссыльных поселенцев.

Цель исследования. Проанализировать деятельность письмоводителя в иностранческих органах самоуправления и выявить его роль в жизнедеятельности общества.

Результаты исследования и их обсуждение. Значимость роли писаря в ясачных органах управления проявилась уже в XVII–XVIII вв. Степные конторы стали привлекать писарей с середины XVIII века с возрастанием сложности делопроизводства и расширением его объема [1, с. 97]. Письменное делопроизводство было связано в первую очередь с составлением ясачных отчетов. В XVIII в.

ясачным князьям неоднократно указывалось на необходимость привлечения «для исполнения своих дел людей грамотных для сочинения сказок», «писчиков», которые должны были содержаться за счет общества [2, с. 8–9].

Писарь при степных конторах имел большой авторитет. Он занимался присяжными делами, рассматривал судебные дела, выносил приговоры о наказании и заключении под стражу. Широкие полномочия придавали должности писаря своего рода статус священности [1, с. 97].

Как правило, письмоводители инородческих ведомств также владели основами юридической грамотности, потому имели определенное влияние на инородческий и даже земский суд. Из-за неграмотности населения «думский писарь становится лицом важным», и его роль в инородческих ведомствах зачастую была значительно выше, чем предусматривало законодательство [3, 4]. Как хорошо знающие следственную часть, они фиксировали и оформляли происшествия разного характера [5, с. 69].

В обязанности писаря входила также подготовка дел для слушания в окружном суде, часто открывавшая дорогу для сомнительных дел. Так, письмоводитель Кызыльской Степной думы Петров скрыл преступление жены некоего Самочикова, получив взамен вознаграждение в виде 3 голов рогатого скота и двух лошадей. Кроме того, он не фиксировал «и не представлял по принадлежности бродяг и людей подозрительных», видимо, за отдельную плату [5, с. 67].

Нередко от письмоводителя зависела судьба инородца. В 1876 г. уроженец Минусинского округа Степной думы соединенных и разнородных племен Бурчак Ивандаев подал прошение на имя губернатора Енисейской губернии, в котором подробно изложил обстоятельства, приведшие его к исправительным работам в г. Туруханск. Б. Ивандаев был осужден из-за ложного доноса письмоводителя [6, с. 307]. Сложившуюся ситуацию усугубило незнание осужденным русского языка. Пользуясь безграмотно-

стью инородца, письмоводитель изменил формулировку приговора. Словесная резолюция и приговор на бумаге были диаметрально противоположными. Таким образом, в официальном деле зафиксировалось ложное решение.

Письмоводитель как член инородческого органа самоуправления имел влияние на выборы должностного лица и на процедуру увольнения. В первом случае он предлагал кандидата на должность или вступал в предварительный сговор с выборным лицом [7]. Во втором случае письмоводитель по своей воле мог затянуть процедуру увольнения. Так, отставка родового старосты Мелецкой управы откладывалась по причине его плохих взаимоотношений с письмоводителем. За время службы и тяжбы с последним хозяйство старосты пришло в упадок, потому он торопился с увольнением [8, с. 47]. Кроме того, архивные материалы содержат сведения о преднамеренном спаивании письмоводителями членов инородческой администрации [9, л. 2] для достижения корыстных целей.

Письмоводители часто использовали свою должность в качестве источника обогащения. Он не являлся материально ответственным лицом и не отчитывался перед обществом, однако из-за неграмотности родоначальника и башлыков именно письмоводитель распоряжался думской казной. Среди противоправных действий наиболее частыми были хищение денег, предназначенных для уплаты ясака; присваивание финансовых средств, принадлежащих ведомству. Так, письмоводитель Петров отказался представить отчет о принятых им деньгах «при взносе государственных повинностей и в хлебный капитал», ссылаясь на то, что документы, имевшие отношение к ведомости, были уничтожены [5, с. 67].

Письмоводители часто становились главными взяточниками при решении всевозможных родовых дел; они самостоятельно утверждали и собирали налоги, составляли фиктивные приговоры. Письмоводитель Койбальской думы Черненко в 1843 г. от имени башлыков

составил фиктивный приговор о продаже улусных земель крестьянину из села Бея Максиму Широкову, который ранее имел притязания на улусные сенокосные угодья. Черненко составил приговор за взятку. Койбальцы в свою очередь вынесли приговор об уничтожении заимки Широкова [10].

Некоторые письмоводители, приехав бедными людьми, уезжали богатыми. Приглашенный в Кызыльское ведомство в 1843 г. письмоводитель Н.В. Широков стал активно заниматься коммерцией, в частности, покупкой и перепродажей скота, продуктов питания (хлеба, муки), скотоводства; доставкой различных продуктов на прииски; ссудой денег и пр. В должниках у письмоводителя оказался 21 человек, общая сумма долга составила 381 руб.; из них 8 человек задолжали по одной лошади каждый, а остальные 13 человек – от 3 до 51 руб. Спустя 10 лет, в 1853 г. инородцы Божьеозерскаго улуса жаловались, что Широков содержит большое количество лошадей, приносящих урон инородческим хозяйствам. Зная о безнаказанности своих поступков, письмоводитель вместо возмещения причиненного ущерба, наоборот, требовал с инородцев денег [5, с. 66].

В 1829 г. письмоводитель Степной думы соединенных и разнородных племен Яков Васильев допрашивался Минусинским земским судом на предмет того, «был ли он Васильев ... служителем откупа корчемного вина», которое было у него отобрано и представлено в Абаканскую питейную контору. Суд требовал освидетельствования Васильева и проведения очной ставки со «служителями откупа» [11, л. 32–33]. Дело с расследованием затянулось, и окружной начальник несколько раз приказывал родоначальнику думы Очетову немедленно отправить Васильева в земский суд для очной ставки. Его обвиняли в нескольких коррупционных делах [11, л. 55].

Как правило, в материалах дел инородческих ведомств по понятным причинам отсутствуют обвинительные приговоры в отношении письмоводителей. Самое большое наказание, встречающееся

в делах Степных дум Национального архива Республики Хакасия, – удаление с должности, штрафные санкции. В распоряжениях Минусинского окружного управления о правильности выполнения думской документации, в думских шнуровых книгах встречается такая формулировка: за «многие неисправности и упущения» писарей подвергнуть штрафу, удалить с должности из-за несоблюдения и незнания канцелярского порядка [11, л. 15, 17].

Свидетельством плачевного состояния этого института стало обсуждение противоправных действий письмоводителей на уровне Сената. По решению Сената в 1861 г. было определено взыскать ущерб, нанесенный писарем Кызыльской думы Карпушевым и казначеем Качкиным [5, с. 68].

Однако бывали случаи, когда письмоводитель отстаивал думские интересы. В 1839 г. при притязаниях красноярского купца Суханова на золотоносные участки земли, принадлежащие качинцам, письмоводитель Петр Иванович Красиков ратовал за подписание договора на приемлемых условиях. По этому поводу Красиков консультировался с окружными органами, предостерегал родоначальника и думский аппарат от поспешных действий, оберегал их от действий недобросовестных чиновников и купцов. Без объяснений и советов письмоводителя родоначальник, как правило, печать не прикладывал. Письмоводитель в данном случае выступил в роли советника. По мнению А. Линькова, автора статьи, опубликованной в «Сибирском архиве» в 1916 г., «и родоначальник, и улусные князцы и заседатели – были сплошь неграмотные люди, но призванные волею судеб управлять своим народом, творить суд и расправу, вести довольно сложную канцелярию, собирать подати и т.д.». А. Линьков отмечал исключительное положение письмоводителей в инородческих думах. Они являлись советниками руководителей ведомств и потому к их выбору подходили тщательно. Грамотный советник являлся залогом успешной работы думской администрации [12, с. 13].

Среди письмоводителей существовала своего рода иерархия и ротация. Провинившиеся волостные, окружные и даже губернские писари в качестве наказания переводились в инородческие ведомства. Окружное начальство рассматривало службу в думе, как ссылку, и время от времени переводило сюда провинившихся волостных писарей, а письмоводителей думы в награду за усердие и знание дела назначало волостными писарями. Так, в 1872 г. удаленный из Ужура волостной писарь перешел в Кызыльскую думу письмоводителем, письмоводитель же думы был назначен ужурским волостным писарем.

Толковый письмоводитель часто пользовался связями и покровительством окружных, губернских чиновников. Они, как правило, не задерживались в инородческих ведомствах, а в награду за усердие переводились на должности волостных или окружных писарей. В 1876 г. Ачинское окружное полицейское управление предписало Кызыльской думе «вследствие избрания письмоводителя Думы мещанина Патюкова назаровским волостным писарем, ныне же уволить Патюкова и сдать все дела командированному вместе с сим, впредь до избрания обществом другого письмоводителя Максимову». Через месяц этот Максимов был избран письмоводителем [5, с. 70].

В инородческих ведомствах наблюдалась частая смена письмоводителей. Одной из причин являлось недовольство окружных и губернских органов управления. В 1841 г. «по воле начальства был устранен от должности письмоводитель Думы, енисейский мещанин из ссыльных Волошин». В 1843 г. инородцами был приглашен на службу Широков, сын купца третьей гильдии. В 1844 г. в ведомстве появился новый письмоводитель Петров [5, с. 64].

В дальнейшем за короткий период времени с 1858 по 1859 г. в Кызыльской думе сменились три письмоводителя. Указом земского суда или предписанием губернатора друг за другом были уволены Карпушев, Кузнецов, Соболев.

В 1858 г. земский заседатель известил Ачинский земский суд, что письмоводитель Карпушев замечен «в нерадении к службе и различных противозаконных поступках», заключавшихся в растрате или присвоении общественных денег, о которых было известно и исправнику, и земскому суду. Карпушев был немедленно удален, а по произведенному следствию о растрате оказалось, что сумма растроченных общественных денег составила 357 руб. Взыскано было, однако лишь 98 руб., остальные обществом прощены.

Избранный на место Карпушева письмоводитель Кузнецов, согласно предписанию губернатора, был очень скоро удален от должности. Следующий за ним письмоводитель Соболев в том же 1859 г. был отстранен по указу Ачинского земского суда от должности «за допущение беспорядков и растрату общественных денег» [8, с. 48–49].

Дефицит грамотных людей вынуждал инородческие ведомства фактически отказываться от права выбора письмоводителя, делегируя полномочия утверждения и увольнения земскому суду, губернским органам управления. Думские руководители обращались к органам власти с ходатайством обеспечения ведомств письмоводителями.

В 1883 г. автор статьи в газете «Восточное обозрение» написал, что «окружные исправники, по душевной доброте своей, рекомендуют таких письмоводителей, которые редко оправдывают надежды общества». В 1880-е гг. минусинский окружный исправник рекомендовал на должность письмоводителя Степной думы соединенных и разнородных племен Матаракова, «как человека хорошего поведения и знающего канцелярский порядок». Однако Матараков оказался неспособным вести думское делопроизводство [13].

Из-за отсутствия достаточного количества грамотных людей письмоводители, смещенные с должности за различные противоправные действия, не предавались суду, а трудоустраивались в других инородческих или крестьянских ве-

домствах. Письмоводитель Кызыльской Степной думы Федоров, обвиненный инородцами «в противозаконных поступках», в 1870 г. устроился в Мелецкую инородную управу, в которой развил бурную предпринимательскую деятельность. У инородцев Усть-Кемчугского улуса он взял в аренду озеро «Старица» за 85 руб. и озеро «Большое» сроком на 4 года [8, с. 48–49].

В 1875 г. Федоров стал уринским волостным писарем и успел за 9 лет своей службы растратить до 20 000 рублей общественных денег. Следствие выявило, что крестьяне знали о растрате, однако, боясь исправника, заняли пассивную позицию. Имущество писаря Федорова и всех выборных должностных лиц было описано, однако возмещение растраты было возложено исключительно на плечи крестьян [14, с. 117; 15, с. 192]. Растрата даже столь значительной суммы общественных денег осталась безнаказанной.

Образ письмоводителя красноречиво был описан И.П. Корниловым: «возниковский мещанин, который, изъездив Сибирь с товарами, променял аршин странствующего торгаша на гусиное перо», рассчитал коммерческим умом своим, что должность письмоводителя «может принести более барышей». По описаниям Корнилова, «письмоводитель жил в большой избе, выстроенной почти на русский лад, где располагалась сама дума. Внешность его была благообразной, носил долгополый сюртук, «с черною, лоснящеюся бородою и волосами, обстриженным в скобку» [16, с. 643]. В свою очередь, П.Е. Островских характеризуя письмоводителей, причислил их «к злым духам шаманского культа». Поэтому, по его мнению, им нужно беспрестанно угождать, чтобы они как-нибудь не «напакостили» [17, с. 333].

Представители из числа коренного населения стали привлекаться в качестве письмоводителей во второй половине XIX в. Инициативу в подготовке письмоводителей-инородцев проявляло государство. Минусинское окружное начальство предписывало ведомствам для обучения избирать мальчиков [18, л. 43].

Енисейский гражданский губернатор Степанов предписал, чтобы мальчики обучались читать, писать и выкладывать на счетах. Первоначально подготовка будущих письмоводителей велась действующими письмоводителями. Обучение включалось в писарское жалование. После окончания учебы они служили помощниками писарей, постигая азы профессии. А затем могли занять места писарей, которые занимались их подготовкой. В 1840-е гг. инородческое общество стало выделять уже некоторую сумму на обучение мальчиков. Так, в 1844 г. на подготовку двух мальчиков Кызыльской думой было отпущено 34 руб. 28 коп. [5, с. 93–94].

Во второй половине XIX в. будущие письмоводители стали обучаться в приходских училищах. В 1856 г. минусинский окружной начальник предложил ведомствам выбрать по одному мальчику для подготовки их к должности письмоводителей. За счет инородческого ведомства они обучались в Минусинском приходском училище не менее 4 лет. Общая сумма содержания четырех учеников составила 280 руб. серебром, то есть по 70 руб. на каждого. Будущие писари проходили годичную или двухгодичную стажировку в канцелярии земского суда или окружного управления. После окончания срока обучения они были обязаны служить своим обществам в течение восьми лет [19, л. 3–4].

Подготовка писарей из числа детей оседлых, обрусевших инородцев проходила в приходских училищах. Здесь же обучались крестьянские мальчики, готовившиеся стать волостными писарями. Инородцы наряду с крестьянами участвовали в сборах на содержание этих училищ [20, с. 597].

Элементарное знание русской грамоты не было каким-то исключительным явлением среди хакасов, особенно среди руководителей дум и их семей. Традиционная элита придавала большое значение значимости образования. Дети обучались как дома с помощью домашних учителей, так и в частных школах на платной основе. Школы народного обра-

зования еще не получили своего развития [21, л. 10, 21–24].

Декабрист В.И. Якушкин также упоминал про сына кызыльца Коломашева из улуса Белый Июс, которого взял в обучение один из красноярских чиновников, а впоследствии определил его на службу в губернский суд [22, с. 296].

Административный аппарат Степных дум (родона начальники, князцы, заседатели) отчасти владел русской грамотой [22, с. 296]. Например, башлык Чепчигашев в приговорах думы расписывался за себя [23, л. 11]. Степные думы в лице родона начальников прилагали усилия для обучения детей грамоте. Так, Енисейский губернатор объявил благодарность Кызыльской Степной думе в 1828 г. «за то, что подведомственные ей инородцы детей своих учат грамоте» [5, с. 51].

Во второй половине XIX в. штат писмоводителей стал пополняться выпускниками школ. Писмоводителями стали выпускники Министерского начального училища, открытого в 1863 г. в селе Усть-Абаканское по решению Абаканской инородной управы. Писмоводителем Кызыльской Степной думы в 1850 г. стал инородец Сулеков, «нарочито ученый на этот предмет», то есть прошедший специальное обучение на должность писаря [5, с. 67].

Писарем в Абаканской инородной управе служил Ефим Семенович Катанов, в 1876 г. он стал писмоводителем Степной думы соединенных и разнородных племен. Личность Е.С. Катанова и занимаемая им должность стали ярким отражением эпохи и времени. В газете «Восточное обозрение» в 1883 г. появилась статья за авторством Нандзя, посвященная деятельности «честолюбивой натуры» Е.С. Катанова, как назвал его автор [13].

Перед нами он предстает, с одной стороны, человеком грамотным, жизнедеятельным. В качестве думского писмоводителя Катанов прослужил около шести лет. В то же время он был сельским учителем, улусным писарем, церковным старостой, содержанием гоньбы,

перевоза, квартиры для приезжающих чиновников и т.д. [13]. В 1876 г. Катанов за активное участие в крещении инородцев был награжден орденом Св. Анны третьей степени [24, л. 2].

Автор газетной статьи писал, что, будучи думским писмоводителем, Катанов «обложил всех инородцев сверхсметным сбором по одному рублю с ревизской души». По его подсчетам, доход от сбора составлял до семи тысяч рублей в год. «Долго стонали инородцы под тяжестью побор от Катанова» [13]. Чиновник особых поручений, обнаружив злоупотребления Катанова, устранил его от всех должностей и отдал под суд. Однако из-за преждевременной смерти чиновника судебные дела затянулись.

Назначенный вместо Катанова по рекомендации окружного исправника писмоводитель Матаракон оказался человеком неграмотным и неспособным к ведению думского делопроизводства. Поэтому он взял себе помощником Е. Катанова, против кандидатуры которого выступил родона начальник Кызласов. Родона начальник «хорошо понимал, что Катанов – сила, пред которой преклоняются не одни инородцы. Поэтому-то поступление Катанова в помощники и советники бестолкового Матаракона не понравилось Кызыласову». И между ними началась борьба. По мнению автора статьи, «слабый Матаракон с помощью сильного Катанова подпоили и подговорили родовых старост сменить родона начальника Кызыласова». В результате Кызласов был свергнут и на его место избрали другого. Окружное начальство опротестовало решение членов думы, посчитав их действия противозаконными, а Катанову запретило принимать участие в общественных делах и думских сходах.

Несмотря на запрет, Катанов уже в качестве улусного писаря Бельтирского административного рода составил раскладку податей. Он уговорил старосту и старшин собрать дополнительные сборы с души на пополнение суммы, затраченной на подарки каким-то начальникам. Староста и старшины согласились, и сверхсметный сбор был произведен.

Катанов регулярно спаивал членов инородной управы [13].

Ефим Семенович был крестным отцом известного сибирского художника Дмитрия Иннокентьевича Каратанова. Он состоял в дружеских отношениях с его отцом Иннокентием Ивановичем, который служил так называемым резидентом в селе Аскиз у крупного золотопромышленника П.И. Кузнецова. По воспоминаниям художника, родители были дружны с семьей Катанова. Юный Дмитрий Иннокентьевич очень любил Ефима Семеновича и его семью и часто бегал к ним. Катанов был женат на русской, они воспитывали дочь Марию и приемную девочку Александру [25].

П.Е. Островских в 1895 г. писал про безымянного писаря, сосланного в Якутскую область за чрезмерные поборы. Мог ли быть тем писарем Е.С. Катанов? По данным Островских, сосланный писарь был представлен к ордену Владимира за содействие в крещении [17, с. 331]. Однако, как известно, Ефим Семенович был награжден орденом Св. Анны третьей степени [24, л. 2]. Между тем, по данным А.А. Кузнецовой и П.Е. Кулакова, в Якутскую область сослали Ефима Семеновича. В думе злоупотребления были настолько явны, что на этот раз вышестоящие органы власти вынуждены были вмешаться [26, с. 48].

Заключение. Появление письменного делопроизводства в инородческих органах самоуправления, отказ от устных нефиксированных приговоров свидетельствуют о постепенной их интеграции в государственные органы. С каждым годом официальное делопроизводство инородческих органов росло,

правительственные мероприятия в этой сфере сводились к усилению отчетности инородческой администрации и упорядочиванию делопроизводства. В конечном счете мероприятия усиливали бюрократизацию этих органов.

Введение письменного делопроизводства, сложной канцелярии, дефицит подготовленных руководителей ведомств, незнание русского языка коренным населением способствовали усилению роли письмоводителя в инородческом обществе. Письмоводитель вел делопроизводство Степных дум, занимался подготовкой решений инородческого суда. Знание основ юридической грамоты наделяло его дополнительной властью, придавало ему авторитетность в глазах окружающего населения. К нему обращались в случае необходимости составления деловых бумаг, жалоб, прошений и т. п.

В иерархии должностей письмоводитель неформально занимал высокое положение, являясь промежуточным звеном между инородцем и государством. От его грамотности, умения, навыков часто зависела жизнедеятельность как инородческого сообщества, так и отдельного человека. Из-за неграмотности руководителей ведомств и подавляющего большинства населения, низкой компетентности инородческой администрации, отсутствия надлежащего контроля со стороны губернских и окружных органов письмоводитель стал ключевой фигурой в структуре инородческого самоуправления. К личности писаря относились с благоговейным трепетом, видимо, связанным с почитанием всеисильности административной власти.

Список источников

1. Мунханов В.А. Документы бурятских Степных дум как источник по изучению административной политики Российской империи в Сибири в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: Государство и право. Юридические науки. 2010. № 338. С. 97–100.
2. Кузнецов-Красноярский И.П. Архив Аскыской Степной Думы. Томск, 1892. 26 с.
3. Сибирский вестник. 1889. № 120.
4. Сибирь. 1878. № 9.

5. Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1899. 366 с.
6. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В.Я. Бутанаев. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. 671 с.
7. Сибирский вестник. 1884. № 64.
8. Ярилов А.А. Мелецкие инородцы. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1899б. 150 с.
9. Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф.И-5. Оп. 1. Д. 7.
10. Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее – РФ ХакНИИЯЛИ). Ф. 314. К. 21.
11. НАРХ. Ф.И-2. Оп. 1. Д. 76.
12. Линьков А.хлопоты коллежского регистратора Габлера и купеческого сына Суханова об отводе под прииски земель качинских татар // Сибирский архив. 1916. № 1. С. 8–14.
13. Восточное обозрение. 1883. № 30.
14. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. Т. 3. 286 с.
15. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. Т. 4. Вып. 2. 289 с.
16. Корнилов И.П. Воспоминания о Восточной Сибири – город Ачинск и поездка в 1848 году на Божьи озера И.П. Корнилова // Магазин землеведения и путешествий, изд. Н. Фроловым. М., 1854. Т. 3. С. 605–658.
17. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (отчет о поездке 1894 г.) // Живая старина. Вып. III и IV. СПб.: Типография С.Н. Худекова, 1895. С. 297–348.
18. РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 114.
19. НАРХ. Ф.И-5. Оп. 1. Д. 7.
20. Шашков С.С. Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1898. 602 с.
21. РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 498.
22. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л.Р. Кызласова. М.: Наука, 1993. 523 с.
23. НАРХ. Ф.И-2. Оп. 1. Д. 52.
24. НАРХ. Ф.И-2. Оп. 1. Д. 1135.
25. Лисовский Н. Сибирский художник Д.И. Каратанов. Красноярск: Кн. изд-во, 1974. 144 с.
26. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Изд. Енис. губ. стат. ком., 1898. 298 с.

References

1. Munkhanov V.A. Dokumenty buryatskikh Stepnykh dum kak istochnik po izucheniyu administrativnoi politiki Rossiiskoi imperii v Sibiri v XIX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki. 2010. № 338. S. 97–100.
2. Kuznetsov-Krasnoyarskii I.P. Arkhiv Askyskoi Stepnoi Dumy. Tomsk, 1892. 26 s.
3. Sibirskii vestnik. 1889. № 120.
4. Sibir'. 1878. № 9.
5. Yarilov A.A. Kyzyl'tsy i ikh khozyaistvo. Byloe i nastoyashchee sibirskikh inorodtsev. Yur'ev: Tip. K. Matissena, 1899. 366 s.

6. Ocherki istorii Khakasii (s drevneishikh vremen do sovremennosti) / gl. red. V.YA. Butanaev. Abakan: Izd-vo KHGU im. N.F. Katanova, 2008. 671 s.
7. Sibirskii vestnik. 1884. № 64.
8. Yarilov A.A. Meletskie inorodtsy. Byloe i nastoyashchee sibirskikh ino-rodtsev. Yur'ev: Tip. K. Matissena, 1899b. 150 s.
9. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Khakasiya (dalee – NARKH). F.I-5. Op. 1. D. 7.
10. Rukopisnyi fond Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (dalee – RF KhaKNIIYALI). F. 314. K. 21.
11. NARKH. F.I-2. Op. 1. D. 76.
12. Lin'kov A. Khlopoty kollezhskogo registratora Gablera i kupecheskogo syna Sukhanova ob otvode pod priiski zemel' kachinskikh tatar // Sibirskii arkhiv. 1916. № 1. S. 8–14.
13. Vostochnoe obozrenie. 1883. № 30.
14. Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaistvennogo byta naseleniya Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii. Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoi, 1893. T. 3. 286 s.
15. Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaistvennogo byta naseleniya Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii. Irkutsk: Tipografiya K.I. Vitkovskoi, 1893. T. 4. Vyp. 2. 289 s.
16. Kornilov I.P. Vospominaniya o Vostochnoi Sibiri – gorod Achinsk i poezdka v 1848 godu na Bozh'i ozera I.P. Kornilova // Magazin zemlevedeniya i puteshestvii, izd. N. Frolovym. M., 1854. T. 3. S. 605–658.
17. Ostrovskikh P.E. Ehtnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya (otchet o poezdke 1894 g.) // Zhivaya starina. Vyp. III i IV. SPb.: Tipografiya S.N. Khudekova, 1895. S. 297–348.
18. RF KhaKNIIYALI. D. 114.
19. NARKH. F.I-5. Op. 1. D. 7.
20. Shashkov S.S. Sobranie sochinenii: v 2 t. SPb.: Izd-vo O.N. Popovoi, 1898. 602 s.
21. RF KhaKNIIYALI. D. 498.
22. Istoriya Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 goda / pod red. L.R. Kyzlasova. M.: Nauka, 1993. 523 s.
23. NARKH. F.I-2. Op. 1. D. 52.
24. NARKH. F.I-2. Op. 1. D. 1135.
25. Lisovskii N. Sibirskii khudozhnik D.I. Karatanov. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1974. 144 s.
26. Minusinskie i achinskie inorodtsy. Krasnoyarsk: Izd. Enis. gub. stat. kom., 1898. 298 s.

Статья принята к публикации 10.10.2024/
The article has been accepted for publication 10.10.2024.

Информация об авторе:

Елена Васильевна Самрина, старший научный сотрудник, кандидат географических наук

Information about the authors:

Elena Vasilyevna Samrina, Senior Researcher, Candidate of Geographical Sciences

